

УДК 81'23

М. С. Мухатова

магистрант II курса Казахского национального педагогического университета им. Абая,
г. Алматы, Казахстан
Научный руководитель – д. ф. н. профессор Л. К. Жаналина
e-mail: manschuks@mail.ru

Разработка языкового сознания в лингвистике

В статье рассматривается разработка понятия «языковое сознание» лингвистами. Анализ основных парадигм решения данной проблемы разными учеными позволяет сделать вывод о сложности понятия «языковое сознание». Способы анализа языкового сознания сводятся к анализу форм его овнешнения, одной из которых является язык. Сущность языка выявляется в его двуединой функции: выступать как средство общения и орудие мышления. Сознание и язык неразрывны и едины в своем существовании. Рассмотрение языкового сознания дает возможность моделировать актуальное состояние языкового сознания этноса, использующего национальный язык. Также выделяют связь языкового сознания с коммуникативным и когнитивным сознанием. Определение языкового сознания предполагает разграничение содержания терминов сознание, мышление, образ (картина) мира, которые взаимосвязаны, но их референтные поля различны. **Ключевые слова:** сознание, языковое сознание, этноязыковое сознание, коммуникативное и когнитивное сознание, языковая картина мира, мышление.

М. С. Мухатова

Тіл біліміндегі тілдік сананың талдамасы

Мақалада "Тілдік сана" ұғымы қарастырылады. Сана мен тіл өзінің қатынасында біртұтас болып табылады. Тілдік сананың қарастырылуы ұлттық тілді қолданатын халықтың тілдік санасының маңызды жағдайын модельдеуге мүмкіндік береді. Сонымен қатар тілдік сананың коммуникативтік және когнитивтік санамен байланысы айтылады.

Түйін сөздер: сана, тілдік сана, этнотілдік сана, коммуникативтік және когнитивтік сана, тілдік әлем бейнесі, ойлау.

M. S. Mukhatova

Development of language consciousness in linguistics

In the article the development of the concept of «linguistic consciousness» is examined by linguists. Analysis of the main paradigms of solving this problem by different scientists allows to make a conclusion about the complexity of the concept «language consciousness». Methods for analysis of language consciousness are reduced to the analysis of the forms of its, one of which is a language. Language entity discloses in its dual function: to act as a communication tool and an instrument of thinking. Consciousness and language are inseparable and one in existence. Consideration of language consciousness makes it possible to simulate the actual state of the language consciousness of the ethnic group, using the national language. Also allocate a link of language consciousness with communicative and cognitive consciousness. Definition of language consciousness introduces a distinction in terms of consciousness, thinking, and world image which is interconnected, but their reference fields are different.

Key words: consciousness, language consciousness, ethnolinguistic consciousness communicative and cognitive consciousness, language picture of the world, thinking.

Научные знания на современном этапе обратились к человеку, который выступает с одной стороны как объект науки, с другой стороны как субъект науки. Данное взаимодействие вне человека с создаваемым знанием о мире является основой антропоцентрической парадигмы в языкознании.

Ее разработка в 20 веке начале 21 века характеризуется возрастанием теории описываю-

щий язык в единстве с его носителем: народом, этносом, социумом и индивидуумом, с их культурой, историей, традицией, менталитета, особенностями психологического типа и характера.

Теория в рамках этой парадигмы объединяет интерес к носителю языка и в первую очередь к его когнитивно-интеллектуальной деятельности поражающей языковую картину мира определяющий мировидение, мировос-

приятие, менталитет и содержания языкового сознания. Понятие языковое сознание вошло в лингвистику недавно и исследуется очень активно. Термин «языковое сознание» постоянно встречается в названиях как отдельных авторских работ, так и в названиях сборников. Актуальность исследования языкового сознания обусловлена рядом факторов:

- вниманием ученых к проблеме взаимосвязи языка и мышления (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, У. Кинч, В.А. Пищальникова, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, А.Г. Соинин и др.);

- интересом современной психолингвистики к вопросу определения содержания сознания и языкового сознания (А.А. Залевская, В.А. Пищальникова, Е.В. Лукашевич, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин и др.);

- актуализацией проблемы соотношения профессионального языкового и общезыкового сознания (Е.А. Климов, В.В. Шкатова, Е.В. Харченко и др.);

- изменением взгляда на терминоориентированный языковой знак в духе современного психолингвистического подхода к слову (А.А. Залевская, В.А. Пищальникова, Е.С. Кубрякова и др.);

- важностью установления специфики языкового сознания билингвов (А.А. Залевская, И.Н. Горелов, Л. Леше, А.Р. Лурия и др.);

- актуализацией проблемы соотношения компонентов определенного концепта в сознании билингва (Т.А. Фесенко, Т.Ю. Сазонова, Е.А. Пименов, М.В. Пименова, Н.О. Золотова и др.);

- эффективностью применения методик ассоциативных экспериментов при исследовании компонентов языкового сознания (А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, А.А. Залевская, Е.Ф. Тарасов Э.Е. Каминская, Н.В. Рафикова, Н.В. Уфимцева и др.).

Анализ основных парадигм решения данной проблемы разными учеными позволяет сделать вывод о сложности понятия «языковое сознание». Способы анализа языкового сознания сводятся к анализу форм его овнешнения, одной из которых является язык. Сущность языка выявляется в его двуединой функции: выступать как средством общения и орудием мышления. Сознание и язык неразрывны и едины в своем существовании. Язык есть непосредственная действительность мысли, сознания. Сознание не только выявляется, но и формируется с помощью языка. В Московской

школе принято определение, предложенное Е.Ф. Тарасовым, согласно которому языковое сознание – это опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т. е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [1, 4]. Н.В. Уфимцева указывает, что «знания о языке как системе социальных ориентиров являются также частью языкового сознания» [2, 112].

Границы языкового сознания в таком случае определяются возможностью вербализации результатов актов восприятия и переработки информации. Таким образом, согласно Е.Ф. Тарасову, принадлежностью языкового сознания является все «овнешненное» содержание сознания [3]. В работах Т.В. Ушаковой можно обнаружить подробное рассмотрение определенных языкового сознания и принципов его исследования: «Мы знаем, что в принципе любое состояние нашего сознания с той или иной степенью совершенства подлежит вербальному выражению. Об этом с несомненностью свидетельствует как наша бытовая речь, так в еще большей мере произведения писателей, поэтов, литераторов, ученых, философов. Работа профессионалов слова в большей мере состоит именно в том, чтобы выразить в слове свое понимание, мысль, чувство, т.е. состояние сознания. Верно также и другое: сознание людей постоянно и на каждом шагу подвергается словесным воздействиям. Это происходит в каждодневном быту, учебном и воспитательном процессе, на ученых форумах, в политических дискуссиях и обсуждениях» [4]. Указывая на принципиальную равнозначность терминов «языковое сознание» и «речевое сознание», Т.В. Ушакова выводит содержание языкового сознания за рамки лексикона как совокупности номинативных единиц, поскольку в речи может быть обозначен любой феномен, не имеющий специальной однословной или идиоматичной номинации.

В своих работах между тем Н.В. Уфимцева обращает внимание, прежде всего, на лексикализованное, т.е. обозначенное единицей лексикона, содержание сознания и изучает языковое сознание русских на материале лексических ассоциаций [5]. Разработанные Н.В. Уфимцевой принципы анализа языкового сознания дает возможность моделировать актуальное состояние языкового сознания этноса и на основе данных текстов

восстанавливать предшествующее состояние языкового сознания. В работах Ю.Н. Караулова, предложившего модель языковой личности, включающую лексикон, семантикон и прагматикон обнаруживаем основы такого подхода к феномену языкового сознания [6]. Активируемые единицами лексикона национального языка, семантикон языковой личности отражает индивидуальные смыслы. Языковое сознание, насколько мы можем судить, охватывает семантикон в его отношении к лексикону: взаимосвязи лексических единиц национального языка, обусловленные личным когнитивным и коммуникативным опытом, за счет чего осуществляется «перевод» общеязыкового значения в личностный смысл. Совпадения в когнитивном и коммуникативном опыте членов языкового коллектива, определяющие сходство семантикона, обуславливают возможность реконструкции языкового сознания этноса, использующего национальный язык. В мировой научной традиции наиболее последовательно подобный, в целом лексикоцентрический подход описывает А. Вежбицка, рассматривающая национальную культуру и этнокультурную специфику сознания сквозь призму ключевых слов, именующих некоторые концепты и семантические примитивы [7].

Общераспространенным является положение о этноцентризме сознания как следствии взаимодействия национального языка и культуры, взаимообусловленности языка и мышления [8, 34]. В теоретико-экспериментальном исследовании этнокультурной маркированности языкового сознания И.В. Привалова стремится доказать: «Культурно-обусловленное сознание интегрирует знание о культурных предметах, а также правилах и нормах коммуникативного поведения. Этноязыковое сознание – это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксеологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой» [8, 7]. Кроме того, «образ этноязыкового сознания конституируют функциональные / операциональные единицы трех пространств: лингвистического, когнитивного, культурного. Эти пространства особым образом структурированы и состоят из функциональных единиц, каждая из которых несет отдельный квант информации» [8]. Культурное пространство неоднородно и отнюдь не равно пространству национальной культуры. Этноязыковое сознание приравнивается к языковому созна-

нию, описываемому в этническом аспекте как модель языкового сознания определенного языкового коллектива, обусловленная национальной культурой. Национальный язык выступает и как средство трансляции культуры [3], и как способ вербального воплощения культурной традиции.

Между тем, национальная культура неоднородна, как неоднороден национальный язык в индустриальном и постиндустриальном обществе. Этноязыковое сознание также оказывается многомерным, отражает различия субкультур и вариантов национального языка. Соответственно, этноязыковое сознание интегрирует различные аксиологические системы, представленные в традиционной массовой и элитарной субкультурах. Если допустить возможность интеграции весьма различных и зачастую противоречивых систем ценностей (в частности, ценностей традиционной и городской или массовой культуры). Напомним, что не обусловленное какой-либо из национальных культур сознание являет собой феномен более высокой степени абстракции, имеющий право на существование благодаря принадлежности каждой из культур человеческой цивилизации. Помимо языкового сознания выделяют сознание коммуникативное и когнитивное [9]. Когнитивное сознание объединяет всю мыслительную деятельность человека, т.е. когнитивное сознание равно когнитивной, или интеллектуальной сфере. Связь языкового и когнитивного сознаний проявляется в том, что сознание (социальный опыт, ментальное явление) объективируется при помощи языка, имеет языковое оформление, хотя не всегда ментальные структуры могут быть вербализованы. Д.Б. Гудков различает языковое и когнитивное сознание в зависимости от степени восприятия, категоризации и оценке явлений действительности. У представителей разных сообществ языковое сознание оказывается таким уровнем сознания, в котором образы, представления, мыслительные структуры обретают языковое оформление [10, 97]. Языковое сознание не тождественно когнитивному, так как когнитивное сознание имеет дело с когнитивными единицами и структурами, относящимися к уровню неосознаваемого, оно имплицитно. Эксплицитную форму когнитивные структуры приобретают тогда, когда когнитивные структуры входят в светлую зону сознания, т. е. кодируются на языковом уровне. Сознание в своей эксплицитной, эксте-

приоритизированной форме выступает как социальный опыт, как форма выражения человеческой культуры. Но это значение не обязательно совпадает с языковым значением.

А.А. Леонтьев утверждает, что если язык понимается как единство общения и обобщения, как система значений, выступающая как в предметной, так и в вербальной форме существования, то «языковое сознание», как сознание, опосредованное значениями оказывается близким к понятию «языковая картина мира». Л.С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев акцентировали всегда внимание на языковой и речевой природе сознания. Так, А.А. Леонтьев подчеркивал: «иметь сознание — владеть языком». Владеть языком — владеть значениями. Значение есть единица сознания (имеется в виду языковое вербальное значение). Сознание при всём этом понимании является языковым [11]. Коммуникативное сознание – «это совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации» [9]. Поскольку коммуникация предполагает знание и использование национального языка, постольку языковое сознание оказывается частью сознания коммуникативного. Разграничение коммуникативного и языкового сознания, по существу, совпадает с разграничением коммуникативной и языковой компетенции. В коммуникативное сознание, в отличие от коммуникативной компетенции, включены коммуникативные механизмы. Коммуникативные механизмы не определены, не оговаривается их отношение к механизмам речи, описанным в классической работе Н.И. Жинкина [12]. Преумножение объектов, обозначаемых термином «сознание», не способствует пониманию механизмов речи и характеристике коммуникации как формы социального взаимодействия посредством национального языка. Собственно лингвистами языковое сознание понимается по-разному: во-первых, как «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их функциональных особенностях о нормах произношения, словоупотребления и т. д.» [13]; во-вторых, как особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его пси-

хическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка ; в-третьих, как механизм адаптации этноса к окружающему миру и образ мира, детерминированный определенными социальными связями «существенная часть национального общественного сознания; образ мира, детерминируемый пространственными, причинными, эмоциональными и прочими связями, свойственные языку и культуре данного народа» [14, 141]. С.Е.Никитина сближает понятие «языковое сознание» с такими особенностями речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативными ситуациями, языковым, культурным статусом личности, его социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности, выводит понятие «языковое самосознание» личности [15, 34-41]. При этом языковое самосознание выступает как часть языкового сознания. Если объектом сознания является весь универсум, то объектом языкового самосознания является язык в целом и его отдельные элементы, языковое поведение и его продукт — тексты. Языковое сознание реализуется в вербальном поведении [16, 38].

Языковое сознание — один из видов быденного сознания, оно «является механизмом управления речевой деятельностью и формирует, хранит и преобразует языковые знаки, правила их сочетания и употребления, а также взгляды и установки на язык и его элементы» Выделяются такие функции языкового сознания: Отражательная функция, создающая «языковую картину мира» и осуществляющая в языковых значениях, языковых формах и типах связи между словами; ориентировочно-селективная функция, которая обеспечивает ориентировку в ситуации для выбора языковых средств в соответствии с коммуникативным заданием при производстве речи или ориентировку в структуре сообщения для перехода от поверхностных структур к глубинным (т.е. к замыслу высказывания) при восприятии речи. Интерпретационная функция, имеющая два аспекта: внутриязыковой и межъязыковой; иначе говоря, язык используется в его Метаязыковой Функции; Регулятивно-управляющая Функция, выступающая в виде механизма обратной связи с двумя каналами: контрольно-управляющим (контроль за речевыми операциями) и оценочно-регулятивным (оценка высказывания с точки зрения соответствия действующим нормам).

Как известно, определение языкового сознания предполагает разграничение содержания терминов сознание, мышление, образ (картина) мира. Понятия, стоящие за этими терминами, бесспорно, взаимосвязаны, но их референтные поля различны. Так, термином сознание в научной традиции принято обозначать рефлексивную психическую деятельность, включающую перцепцию, переработку воспринятого и формирование целостной картины мира, содержащей знания и отношения, объекты и самого субъекта в отношении к ним. Ключевым в данном случае является понятие рефлексии, т.е. отношения субъекта к объекту: субъект включен в картину мира как наблюдатель, фиксирующий пространственные, временные и прочие характеристики объекта с определенной субъективной позиции, точки зрения. Интерес к языковому сознанию и его этнокультурной специфике как раз и определяется потенциальной возможностью различных позиций субъекта при обработке воспринятой информации и воплощении знаний средствами национального языка. Неслучайно исследование языкового сознания непременно затрагивает и сферу культуры, поскольку любая позиция члена социума (представителя этноса) культурно обусловлена. Однако сведение культуры только к национальной культурной традиции вряд ли оправданно.

Картина мира является одним из компонентов сознания. Понимание языкового сознания в лингвистике складывается с учетом достижения лингвистической науки, с исследованиями языковой картины мира. Это целостное и системное отражение реальности составляет основу ориентировки и планирования поведения, в том числе и коммуникативного. Картина мира неоднородна. Общепринятым является разграничение вербальной (языковой) и невербальной картины мира на основании способа кодирования информации [17]. В свою очередь, на основании способа переработки необходимой для формирования картины мира информации различают наивную и научную картины мира. Языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспек-

ции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир. Научный образ мира представляет собой частный случай текстовой картины мира, поскольку складывается в результате восприятия и переработки информации, содержащейся в текстах, функционирующих в определенной социальной сфере. Думается, что разграничение научной и наивной картин мира принципиально важно, так как научная картина мира в силу принадлежности к узкой социальной сфере и направленности на решение специфических задач стремится к нивелировке этнокультурных различий [17, 48].

Языковая картина мира представляет собой, с одной стороны, результат функционирования языкового сознания, закрепленный в лексиконе и грамматике национального языка, который, не препятствует возможности вербализовать принципиально любое содержание; с другой стороны – основу для ориентировки в коммуникативной ситуации при порождении и восприятию речи.

Мышление сопряжено с сознанием, но не равноценно ему. Мышление представляет одну из высших психических функций, обеспечивающих способность перерабатывать информацию с целью решения различных задач, так или иначе связанных с постановкой вопросов и поисков ответов на них при реализации простой или сколь угодно сложной деятельности. Мышление – необходимое условие становления сознания. Между тем мышление, в силу направленности на постановку и решение задачи, стремится освободиться от национального языка. В отечественной научной традиции, восходящей к культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, мышление и языковую способность рассматривают в качестве сопряженных результатов социально обусловленной деятельности [18]. Слово представляет собой орудие психической деятельности – мышления. Мышление, его различные типы (образное, операциональное, вербальное, символическое), позволяет сформировать картину мира. Различные типы мышления обеспечивают разнообразие способов переработки информации в процессе анализа актов перцепции и синтеза целостного образа мира.

Языковое сознание динамизируется посредством установления его связей с речевой деятельностью. Связь сознания, языка, мышления, речи, проявляется во-первых в том, что речь

непосредственная действительность мысли, а мысль оформляется при помощи языка и сознания — идеального, выражается в виде материально оформленного высказывания), во-вторых, язык — сознание, мышление — речь соотносятся в том плане идеально-материальной сущности, которая выражается в поведенческих (вербальных и невербальных) актах. Суждение (мысль) всегда обладает предикативностью, т.

е. соотносит высказывание, предложение с личностью говорящего и ситуацией. Как видим, решение проблемы связи языка и сознания будет односторонним и узким вне рассмотрения их в речемыслительной деятельности говорящего. Поэтому их надо рассматривать как взаимосвязанные элементы когнитивно-коммуникативной системы человека и коллектива (общества), к которому он принадлежит.

Литература

- 1 Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование: матер. XIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М, 2000. – С. 3–4.
- 2 Уфимцева Н.В. Язык, языковое сознание и образ мира // ...Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. – С. 112–1143.
- 3 Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 45–53.
- 4 Ушакова Т.В. Языковое сознание и принципы его исследования [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ilingran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html.
- 5 Уфимцева Н.В. Взаимодействие культур и языков: теория и методология // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С. 152–170..
- 6 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2003.
- 7 Wierzbicka. Anna. 1997. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – New York: Oxford University Press. – 317 p.
- 8 Привалова И.В. Национально-культурная специфика ценностных доминант рекламного дискурса // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2003. – Вып. 25. – С. 97–101.
- 9 Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание / С любовью к языку. – М.–Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – С. 44–51.
- 10 Гудков Д.В. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
- 11 Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М., 1969. – 136 с.
- 12 Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество: Исследования по семантике, психолингвистике, поэтике. – М.: Лабиринт, 1998.
- 13 Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Наука, 1977. – 127 с.
- 14 Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношений языка и мышления // Вопросы философии. – 1977. – №4. – С. 17–22.
- 15 Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 65–74.
- 16 Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДКГ «Гнозис», 2001. – 270 с.
- 17 Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира, язык. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.
- 18 Выготский Л.С. Мышление и речь.. – М.: Лабиринт, 1999.

References

- 1 Tarasov E.F. Yazykovoe soznanie – perspektivy issledovaniya // Yazykovoe soznanie: soderzhanie i funktsionirovanie: mater. XIII Mezhdunar. simp. po psiholingvistike i teorii kommunikatsii. – М, 2000. – S. 3–4.
- 2 Ufimtseva N.V. Yazyk, yazykovoe soznanie i obraz mira // ...Slovo otzovetsya: pamyati Ally Solomonovny Shtern i Leonida Vol'kovicha Saharnogo. – Perm': Izd-vo Perm. gos. un-ta, 2006. – S. 112–1143.
- 3 Tarasov E.F. Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury // Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury. – М.: Nauka, 2000. – S. 45–53.
- 4 Ushakova T.V. Yazykovoe soznanie i printsipy ego issledovaniya [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.ilingran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html.
- 5 Ufimtseva N.V. Vzaimodeystvie kul'tur i yazykov: teoriya i metodologiya // Vstrechi etnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka. – М.: Nauka, 2002. – S. 152–170..
- 6 Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. – М., 2003.
- 7 Wierzbicka. Anna. 1997. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – New York: Oxford University Press. – 317 p.
- 8 Privalova I.V. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika tsennostnykh dominant reklamnogo diskursa // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. – М., 2003. – Vyp. 25. – S. 97–101. М. С. Мухатова
- 9 Stermin I.A. Kommunikativnoe i kognitivnoe soznanie / S lyubov'yu k yazyku. – М.–Voronezh: Izd-vo VGU, 2002. – S. 44–51.
- 10 Gudkov D.V. Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii. – М.: Gnozis, 2003. – 288 s.
- 11 Leont'ev A.A. Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'. – М., 1969. – 136 s.
- 12 Zhinkin N.I. Yazyk. Rech'. Tvorchestvo: Issledovaniya po semantike, psiholingvistike, poetike. – М.: Labirint, 1998.
- 13 Shmelev D.N. Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika. – М.: Nauka, 1977. – 127 s.
- 14 Gal'perin P.Ya. Yazykovoe soznanie i некotorye voprosy vzaimootnosheniy yazyka i myshleniya // Voprosy filosofii. – 1977. – №4. – S. 17–22.
- 15 Nikitina S.E. Yazykovoe soznanie i samosoznanie lichnosti v narodnoy kul'ture // Yazyk i lichnost'. – М.: Nauka, 1989. – S. 65–74.
- 16 Krasnyh V.V. Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikatsii: Kurs lektsiy. – М.: ИТДКГ «Гнозис», 2001. – 270 с.
- 17 Kasevich V.B. Buddizm. Kartina mira, yazyk. – SPb.: Tsentr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1996.
- 18 Vygotkiy L.S. Myshlenie i rech'.. – М.: Labirint, 1999.